

ПОВЕСТИ О ПУГАЧЕВЕ В СТРУКТУРЕ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА»

ТИМУР ГУЗАИРОВ

Изданная в России в 1834 году «История Пугачевского бунта» <далее — *ИПБ*> стала первым полноценным историческим исследованием пугачевщины, написанным с использованием архивных документов, мемуаров, свидетельств современников, письменных источников, которые опубликованы во второй книге IX тома Полн. собр. соч. Пушкина. Источниковедческая проблема — аналитическое исследование так называемых пушкинских архивных тетрадей — тщательно изучена в многочисленных трудах Р. В. Овчинникова, итогом этой работы является составленный им комментарий к *ИПБ*¹.

В ходе работы над *ИПБ* Пушкин, внимательно изучив каждое историческое сочинение, особо выделил из русской историографии три труда, о чем сообщил в примечании к четвертой главе: записки Бибикова [Бибиков], труд Левшина об уральских казаках [Левшин] и книгу Зиновьева о Михельсоне [Зиновьев]. В *ИПБ* Пушкин ссылается на эти сочинения, приводит из них выписки или частично публикует источник в приложении, во второй части своего труда. Иностранная историография была также известна Пушкину. Он выделил анонимное сочинение “Histoire de la révolte de Pugatschef”, французский перевод исследования Антона Фридриха Бюшинга, выпущенный в Париже неким Лаво в 1799 г. (см. [Блок: 81–183]). Ссылка на это сочинение и выписки из него также приведены в примечании *ИПБ*.

¹ Я хотел бы выразить особую благодарность М. Н. Виролайнен за предоставленную возможность ознакомиться с комментарием Р. В. Овчинникова.

Подчеркнем: поэт, критически оценив научную ценность некоторых трудов, даже не упомянул о них: напр., «Ложный Петр III, или Жизнь и похождения бунтовщика Емельки Пугачева» (М., 1809) или «Обозрения царствования и свойств Екатерины Великой» (СПб., 1832) П. И. Сумарокова. Однако было бы ошибочно однозначно утверждать, что Пушкин не учитывал *смысловые* акценты других, им не упомянутых в *ИПБ* сочинений. В статье мы обратимся к двум таким текстам, к тому же, *художественным*, взаимодействуя с которыми, как нам представляется, Пушкин выстраивает определенные события в *ИПБ*.

Ко времени возникновения замысла «Капитанской дочки» (1833) русскому читателю о крестьянской войне были известны два сочинения — «Сокрушитель Пугачева, Илецкий Казак Иван (Оренбургская повесть)» П. М. Кудряшева (1829) и «Рассказ моей бабушки» А. П. Крюкова (1832). Они, безусловно, находились в поле зрения Пушкина, о чем свидетельствует, как мы попытаемся показать, целый ряд тематических перекличек. По нашим наблюдениям, эти повести используются Пушкиным в качестве идейного источника той *иной* точки зрения, отталкиваясь от которой автор стремился создать особое полемическое поле и заострить свою позицию по важному вопросу — о долге военного и роли историка².

Первая глава *ИПБ* открывается описанием реки. Это — принципиальное пушкинское решение, которое, как нам представляется, полемически ориентировано на зачин повести Кудряшева³. Ср.:

² Пушкинские размышления о назначении историка и о чести военного тесно переплетены между собой в *ИПБ*, что отразилось на создании портретов ключевых полководцев: Кара, Бибикова, Панина (см. [Гузаиров 2011]). Особая роль в *ИПБ* отведена тогда еще полковнику И. И. Михельсону, который изображен истинным героем, и долг историка перед которым, по мысли автора, — очистить имя полководца от клеветы и напомнить о его заслугах в подавлении мятежа. См. [Гузаиров 2011а].

³ Синтаксическую конструкцию первого предложения *ИПБ* в связи с выстраиванием концептуального образа реки мы рассмотрим

Сердитые волны Урала утомились и утишили рев свой [Кудряшев: 231].

Яик, по указу Екатерины II переименованный в Урал, выходит из гор, давших ему нынешнее его название [Пушкин: IX (1), 7].

Повесть Кудряшева была опубликована в «Отечественных записках», в которых Пушкин прочитал и другое, высоко оцененное им сочинение «Оборона крепости Яика от партии мятежников. (Описанная самовидцем)⁴», впервые анонимно опубликованное в 1824 г. Пушкин упомянул о нем в примечании *ИПБ*. Это служит дополнительным аргументом в пользу того, что он был знаком с произведением Кудряшева.

В основу сюжета повести Кудряшева «Сокрушитель Пугачева...» положена романтическая история казака Ивана и его возлюбленной Дарьи. В примечании автор указал, что в качестве исторических источников использовал рассказы оренбургских старожилов, а также официальное известие о самозванце. Повествование дважды прерывается двумя фрагментами, в которых автор сообщает сведения о Пугачеве и подробности некоторых ключевых событий бунта. Одним из них является осада Пугачевым Яицкой, или Уральской, крепости:

Самозванец отправил строжайшие указы к Уральскому Коменданту, Полковнику Симонову, и к Войсковому Старшине Михайловичу Бородину, от которых требовал сдачи Уральска; <...> Но Симонов и Бородин, как верные сыны отечества, неустрашились угрозе варвара, и решились защищать вверенный им город до последней капли крови. Пугачев, видя неудачу в своем предпри-

в отдельной статье. Сейчас отметим, что река, ее течение метафорически соплагается с описанием бунта. Ср. в первом абзаце I главы: «Его <Яика> течение быстро»; в IV главе: «Зло, ничем не прегражденное, разливалось быстро и широко». Здесь хотелось бы обратить внимание на риторическое умиротворение реки (= бунта) в сочинении Кудряшева. В отличие от Пушкина, Кудряшев не использует старого, запрещенного Екатериной II, названия реки.

⁴ По предположению Р. В. Овчинникова, автором этого сочинения был Андрей Прохорович Крылов, отец известного баснописца.

ятии, оставил Уральск и решил идти к Оренбургу [Кудряшев: 255–256].

Интерпретация события корреспондирует с версией, изложенной в «Известии о самозванце Пугачеве». Ср.:

<...> дал ему Емелька <...> воровской манифест, приказывая накрепко, что чтоб в оном городке живущий комендант подполковник Симанов отнюдь бы не противился, а город бы без сопротивления отдал. <...> Комендант Симанов <...>, получив Емелькин манифест, приказал при собрании команд прочесть, и сколько мог собрать из команды Яицкого войска казаков и шестую полковую легкую команду послал в погоню за Емелькою и его сонмом, чтоб всех их переловить [Пушкин: IX (2), 583].

Кудряшев полностью опускает эпизод последующей осады Яицкой крепости. В авторском списке использованных источников отсутствует упомянутое выше сочинение «Оборона крепости Яика от партии мятежников». В этом известном широкой публике тексте дается детальное описание военных действий, однако о роли коменданта и полковника Симонова при защите крепости не упоминается. В повести Кудряшев, таким образом, сохраняет героическую репутацию и официально признанную славу полковника Симонова. Сведения о капитане Крылове в историко-фактологической части повести опущены.

В *ИПБ* Пушкин строит рассказ об осаде Яицкой крепости, как раз опираясь на сочинение «Оборона крепости Яика...». Он вводит новую информацию, которая разрушает исключительно односторонний, героический портрет коменданта Яицкого городка: «Смятение в городе было велико. **Симонов оробел** <здесь и далее выделено нами. — Т. Г.>; к счастью, в крепости находился **капитан Крылов, человек решительный и благоразумный**» [Там же: IX (1), 37]. Эти факты могли быть почерпнуты Пушкиным из личной беседы с И. А. Крыловым в 1833 г.

В результате сопряжения «чужой» (литературной) и «своей» (исторической) версий перед читателем возникает вопрос об истинном герое. Пушкин следует определенной модели в описании его поведения перед лицом смертельной опасно-

сти. Авторская характеристика — *человек решительный и благоразумный* — маркирует в *ИПБ* такую личность. Это — персонаж, который остается почти или совсем неизвестным современникам и потомкам, упоминается на страницах труда только однажды, в связи с единичным событием. Ср.:

В ней <Сорочинской крепости. — *Т. Г.*> находился при провианте и фураже отставной подполковник Мелькович, **человек умный и решительный**. Он принял начальство над гарнизоном и, на них напав, принудил их возвратиться на прежние жилища [Пушкин: IX (1), 55].

Таким образом, в *ИПБ* общая характеристика героев — Крылова и Мельковича — формирует единое литературное поле, в котором два исторически не связанных, по времени удаленных события оказываются связанными идейно. Анализируя действия и характеры военных, Пушкин постоянно подчеркивает взаимосвязь между общим успехом/неуспехом и конкретными поступками, качествами отдельной личности. С этой точки зрения интересно обратиться к сравнительному анализу литературной и исторической версий штурма Нижнеозерной крепости.

Художественное изображение указанного события дано в повести Крюкова «Рассказ моей бабушки». От крюковского описания крепости Пушкин отталкивается, рисуя жизнь Белогорской крепости в «Капитанской дочке»⁵.

В рабочих тетрадях Пушкина находятся три документа, повествующих о штурме Нижнеозерной крепости. Это — архивные «Оренбургские записи», которые были недоступны Крю-

⁵ Ср.: «<...> в ней находились две или три старые чугунные пушки да около полусотни таких же старых и закоптелых солдат, которые хотя и были немножко дряхленьки, но все таки держались на своих ногах <...>. Хотя нашим инвалидам редко удавалось показывать свою храбрость; Батюшка мой <...> был человек старого века: справедлив, весел, разговорчив, называл службу матерью, а шпагу сестрою <...>. Он или учил своих любезных солдат — (видно, что солдатской-то науке надобно учиться целый свой век!), — или читал священные книги <...>» [Крюков: 259–262].

кову, а также «Прибавление о разбойнике и самозванце Пугачеве из дневных записок 1773 г., города Оренбурга Благовещенской церкви, что на гостином дворе, священника Ивана Осипова» и «Известие о самозванце Пугачеве». Последние два сочинения были известны, по-видимому, и Крюкову.

Вот как изображена осада Нижнеозерной крепости в «Рассказе моей бабушки»:

Верные солдаты клялись умереть за матушку Государыню, но казаки (не явно, а тишком) толковали другое. «Плеть обуха не перешибешь. Покориться будет здоровье. Нам-ста все равно служить, кому бы то ни было, лишь бы давали жалованье да провиант. Нам кто ни поп, тот и батька. Не подыдем рук на своих земляков и товарищей». К несчастью батюшка вовсе не слышал этих толков — и не подозревал ничего. Ах, чтобы ему вытолкать из крепости это змеиное племя и остаться одному с своими верными инвалидами! [Крюков: 281–282]

Далее описывается приступ Пугачева, падение крепости, которое стало результатом измены казаков, что соответствует изложенным в «Известии о самозванце Пугачеве» фактам. Ср. также: «<...> на рассвете напал на Озерную крепость, которую почти без труда отбил, ибо, **изменя, казаки сами руками крепость Пугачеву отдали** <...>» [Пушкин: IX (2), 585].

В повести Крюков следует известной, официальной трактовке событий: верные комендант и его солдаты стали жертвой нарушивших присягу казаков.

В *ИПБ* эпизод взятия Нижнеозерной крепости основан исключительно на архивном материале, неизвестном Крюкову. Ср.:

Узнав о приближении Пугачева, Харлов <...> приготовился к обороне. **Казаки его изменили и ушли к Пугачеву. Харлов остался с малым числом престарелых солдат.** Ночью на 26 сентября вздумал он, для их одобрения, палить из двух своих пушек, и сии-то выстрелы испугали Билова <шедшего на помощь. — Т. Г.> и заставили его отступить. Утром Пугачев показался перед крепостию. <...> Харлов бегал от одного солдата к другому и приказывал стрелять. **Никто не слушался.** Он схватил фитиль,

выпал из одной пушки и кинулся к другой. В сие время бунтовщики заняли крепость <...> [Там же: IX (1), 18].

Таким образом, Пушкин строит свою версию событий как антитезу и официальному «Известию...», и утверждающей его повести «Рассказ моей бабушки».

Рассмотрим структуру приведенного отрывка из *ИПБ*. Автор, прежде всего, создает те «идеальные» условия для защиты Нижнеозерной крепости, о которых *post factum* мечтает герой сочинения Крюкова. Во-первых, казаки выведены из крепости; во-вторых, комендант остается в ней вместе с верными императрице солдатами. Подчеркнем, что эти детали отсутствуют в пушкинских архивных, так называемых «Оренбургских записях». Как нам представляется, историк, отталкиваясь от сочинения Крюкова, вводит эти узнаваемые читателем черты в канву своего повествования. Цель Пушкина — разрушить официальное и сложившееся под влиянием литературы представление об историческом событии. Одной из главных причин падения Нижнеозерной крепости, в изложении Пушкина, оказывается не измена казаков, а действия ее защитников: с одной стороны, трусость верноподданных солдат, с другой, собственные действия коменданта.

Несмотря на установку оспорить официальную версию, Пушкин все же прибегнул к автоцензуре и опустил один немаловажный факт, изложенный им императору в «Замечаниях о бунте»:

Стран. 25. Бедный Харлов, накануне взятия крепости, был пьян; но я не решился того сказать, из уважения его храбрости и прекрасной смерти [Пушкин: IX (1), 371].

Итак, в реальности ночная стрельба из пушек, когда крепость не штурмовали, являлась следствием безответственности Харлова, что обусловило неожиданное отступление стремившегося ему на помощь отряда Билова. В результате крепость сдавалась без сопротивления. Однако достойное («храброе» — ключевое пушкинское слово) поведение Харлова перед лицом смерти реабилитировало, в глазах историка, его честь и поставило в один ряд с другими истинными героями, исполнившими

ми до конца свой воинский долг. Именно поэтому Пушкин трансформирует факты, о чем прямо говорит Николаю I: нежелательный факт опускается и вводится иная, возвышенная оценка ночным действиям Харлова.

Пушкин не только пишет историю пугачевского восстания, он создает книгу, в том числе, о поведении дворянина, о проявлении чести, долга или же бесчестья, трусости. Характерно появление периферийных персонажей в седьмой главе *ИПБ*: при описании взятия Казани Пушкин рассказывает о достойной смерти двух отставных военных («больного» Толстого и Кудрявцева, «стодесятилетнего старика»).

Повести о Пугачеве и *ИПБ* (как и «Замечания о бунте» и «Капитанская дочка») составляют единое полемическое поле, в котором факты и идеи из разных текстов вступают в полифонический диалог. Пушкин выстраивает ряд эпизодов из своего сочинения как антитезу официальной версии событий, которую развивают Кудряшев и Крюков. Вместе с тем, некоторые описания и мотивы этих текстов отразились в «Капитанской дочке», например, спасение дочери коменданта путем переодевания в крестьянское платье. Невключение Пушкиным именно в *ИПБ* этого и другого рода широко известных фактов требует отдельного осмысления.

ИПБ представляет читателю альтернативную, по отношению к общепринятой, интерпретацию событий. Это делается путем педалирования *иных* микрофактов, вывода на передний план *иных* героев, смещения смысловых акцентов. Одна из ключевых точек идеологического сопряжения разных текстов — исследование поведения человека в критический момент, как правило, — перед лицом смертельной опасности. При изображении события Пушкин придает импульсивным действиям персонажей или непредсказуемым обстоятельствам значимый, закономерный характер — эта черта отличает *ИПБ* от повестей о Пугачеве.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть мысль о том, что источниками *ИПБ* могут выступать периферийные художественные сочинения, не представляющие ценности ни с исторической, ни эстетической точек зрения. Их функция

для Пушкина заключается в организации его диалога с идеальным читателем (помнившим эти повести о Пугачеве), в указании на *концептуальные*, а не «стилистические» трансформации фактов в структуре *ИПБ*.

ЛИТЕРАТУРА

- Бибиков: *Бибиков А. А.* Записки о жизни и службе А. И. Бибикова. СПб., 1817.
- Блок: *Блок Г.* Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949.
- Гузаиров 2011: *Гузаиров Т.* Три биографии генералов *sub specie* примечаний: из комментариев к «Истории Пугачевского бунта» (в печати).
- Гузаиров 2011а: *Гузаиров Т.* «Ничего нового»: из комментариев к «Истории Пугачевского бунта» и «Капитанской дочке» // Тыняновский сборник (принято к печати).
- Зиновьев: <*Зиновьев Д.*> Михельсон в бывшее в Казани возмущение. М., 1807.
- Крюков: *Крюков А. К.* Рассказ моей бабушки // Невский альманах на 1832 г. / Издан Е. Аладыным. СПб., 1832.
- Кудряшев: *Кудряшев П.* Сокрушитель Пугачева, Илецкий Казак Иван (Оренбургская повесть) // Отечественные записки. 1829. Ч. 40.
- Левшин: *Левшин А. И.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823.
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.